БАХЧИСАРАЙСКИЙ ПОХОД (БАХЪШЫСЭРЕЙ ЗЕКІУЭ): ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ

Кожев Заурбек Анзорович, кандидат исторических наук, зав. сектором средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), zaurbek_k@mail.ru

Статья посвящена одному из знаковых событий военно-политической истории Кабарды – успешному походу против Крымского ханства, закончившемуся, согласно историческим преданиям, осадой столицы ханства – Бахчисарая и получением с крымского хана богатого выкупа. Крымское ханство с момента своего образования и особенно после включения в политическую систему Османской империи, являлось наиболее сильным, агрессивным и опасным соседом черкесских политий Северного Кавказа. На протяжении нескольких веков черкесские государственно-политические образования вели упорную борьбу за фактическую независимость против властных притязаний крымских Гиреев – наследников золотоордынского имперского могущества. Ранний этап крымско-черкесских отношений (вторая пол. XV – первая пол. XVI вв.) – до вовлечения Северного Кавказа в орбиту внешнеполитических интересов Русского государства, плохо изучен в силу крайней скудости письменных источников. Поэтому особую ценность в качестве важного исторического источника приобретают черкесские предания, историко-героические песни раннего цикла. К одной из них относится «Песня о Бахчисарайском походе» («Бахъшысэрей зекІуэм и уэрэд») и связанные с ней фольклорные тексты, которые отражают очень важный эпизод кабардино-крымских отношений. Историческое предание сохранило любопытные подробности организации похода, имена военного предводителя и знаменитых участников (Талостан Джанхотов, Андемиркан, братья Ечаноковы и т.д.) Проблема датировки этого события вполне удовлетворительно решается с помощью сопоставления исторического предания о Бахчисарайском походе с другими фольклорными материалами, письменными источниками и родословными списками кабардинских княжеских домов.

Ключевые слова: Кабарда, Крымское ханство, Бахчисарай, кабардино-крымские отношения, Талостан Джанхотов, Андемиркан, военно-политическая история, датировка.

В отечественной историографии Бахчисарайский поход до сих пор не стал предметом специального исследования, хотя фольклорные тексты, связанные с ним давно введены в научный оборот. Возможно, это связано с тем, что нет ни одного письменного источника, упоминающего об этом не рядовом по масштабу событии из истории военного противостояния Кабарды и Крымского ханства. А делать какие-то конкретные выводы, опираясь только на устные предания, многим исследователям кажется не вполне корректным. Академические научные издания традиционно игнорируют этот сюжет военно-политической истории Кабарды¹ Даже Ш.Б. Ногмов, который писал свою «Историю адыгейского народа» по черкесским историческим преданиям, обошел его своим вниманием². Однако, на наш взгляд, изучение общеисторического контекста и особенно косвенных свидетельств письменных источников, позволяют приступить к решению заявленной в статье проблемы без риска впасть в серьезные погрешности. Одной из первых

попыток ввести фольклорный сюжет о Бахчисарайском походе в историческое адыгovedение, было отражение этого предания в историческом разделе «Адыгской (черкесской) энциклопедии»³.

Во втором томе «Адыгского фольклора» содержатся как оригинальные прозаические тексты, так и историко-героическая песня, посвященная Бахчисарайскому походу и сложенная его участниками⁴. Она вошла также в первую часть третьего тома «Народных песен и инструментальных наигрышей адыгов»⁵. Историческое предание и поэтический текст «Песни о Бахчисарайском походе», несмотря на свой незначительный объем, содержат принципиально важную информацию, позволяющую задать надежные хронологические рамки описываемого события и оценить его масштаб. Во-первых, историческая память сохранила потомкам имя полководца и военного предводителя Бахчисарайского похода. Это Талостан Джанхотов – представитель третьего поколения Иналидов в Черкесии, младший брат Беслана Джанхотова⁶. Последний под именем Беслана Тучного (*Беслэн Пцланыцэ*) – *пцыхуэ* Кабарды часто фигурирует в черкесском фольклоре как современник и антагонист Андемиркана – князя – бастарда (*тумэ*) и одновременно идеального рыцаря черкесского средневековья⁷. Благодаря русским архивным источникам, в первую очередь, составленным в середине XVII в. «Родословным кабардинских князей и мурз», мы знаем, что время жизни и деятельности четвертого поколения Иналидов в Кабарде падает примерно на третью четверть XVI в. Самый известный из этой генерации Иналидов – Кемиргоко Идаров, уже будучи *пцыхуэ* – Великим князем Кабарды, в 1557 г. выступил с инициативой установления дипломатических и политических связей с правительством Ивана IV Грозного (1547–1584), а через четыре года стал царским тестем⁸. Соответственно, считая разницу между поколениями примерно в 20–25 лет, мы можем определить период активной военной и политической деятельности Талостана Джанхотова и его современников примерно второй четвертью XVI в. Составители первой части третьего тома «Народных песен и инструментальных наигрышей адыгов» в аннотации к «Песне о Бахчисарайском походе», кратко описав его фабулу, не пытаются даже приблизительно датировать это событие и лишь определяют самыми широкими рамками время жизни ключевой фигуры – Талостана Джанхотова: «По преданию, кабардинцы во главе с князем Таусултаном (Татлостаном) Янхотовым (историческое лицо, жил в первой половине XVI в.) предприняли поход в Крым. Они переправились через Керченский пролив, дошли с боями до Бахчисарая (столицы ханства) и окружили его. Хан вынужден был просить мира и выплатить большую дань – сто возов тонких тканей, что дало возможность кабардинцам снять свои грубые рубашки и заменить их более тонкими. Предание гласит, что песню сложили участники похода на обратном пути»⁹.

На первый взгляд, сюжет о вторжении многочисленного кабардинского войска в самый центр крымских владений, осада столицы ханства и, в итоге, получение большого выкупа могут вызвать серьезные сомнения в достоверности, как исторического предания, так и самой песни, посвященной Бахчисарайскому походу. Однако внимательное знакомство с историей крымско-черкесских отношений или, в более широком плане, взаимоотношений черкесских политиков позднего средневековья с татарскими государствами – осколками Золотой Орды, позволяют развеять эти сомнения. В том, что касается взаимоотношений с Крымом, наверное наиболее иллюстративным и ярким является ставшее классическим описание генуэзцем Джорджи Интериано, прожившим в Черкесии много лет, военной напряженности на черкесско-татарском фронте на рубеже XV–XVI вв:

«Они (черкесы – К.З.) постоянно воюют с татарами, которые окружают их почти со всех сторон. Ходят даже за Босфор (Керченский пролив – К.З.) вплоть до Херсонеса Таврического (нынешний Севастополь – К.З.).... *Охотнее всего совершают походы в зимнее время, когда море замерзает* (курсив наш – К.З.), чтобы грабить жителей скифов (татар – К.З.), и горсточка черкесов обращает в бегство

целую толпу скифов, так как черкесы гораздо проворнее и лучше вооружены, лошади у них лучше, да и сами они выказывают больше храбрости»¹⁰. Свидетельство очевидца о регулярности и ординарности черкесских вторжений, фактически набегов вглубь Крымского полуострова, их впечатляющая география – «вплоть до Херсонеса Таврического», то есть до крайней западной оконечности Крыма, позволяют судить о степени военного давления на ханство со стороны Черкесии в начальный период его истории. Возможно, это было связано с тем, что Крым в определенной степени был для черкесов сакральной территорией. Генеалогические предания Иналидов – черкесской княжеской династии позднего средневековья и нового времени, устойчиво называют Крым «транзитным» пунктом на пути переселения легендарных предков с Ближнего Востока на Кавказ. Кроме того, в Крыму с нач. XV в. вплоть до османского завоевания в 1475 г. существовало небольшое княжество со смешанным населением и черкесской по происхождению династией, уничтоженное одновременно с генуэзскими колониями¹¹. Если завоеванная османами Кафа из центра генуэзских колоний в Северном Причерноморье превратилась в центр нового османского вилайета, то территория Мангупского княжества («Крымской Готии») была включена в состав Крымского ханства. И регулярные набег вглубь Крымского полуострова, зафиксированные Дж.Интерьяно на рубеже XV и XVI вв. можно рассматривать как своеобразную месть черкесской правящей элиты, в первую очередь Иналидов, по отношению к государству, уничтожившему одну из черкесских политий позднего средневековья. Особое внимание следует обратить на замечание Дж.Интерьяно о том, что черкесы *«охотнее всего совершают походы в зимнее время, когда море замерзает»*. Иными словами, несмотря на «зимние предпочтения», связанные с очевидными преимуществами свободного доступа черкесской конницы на территорию Крыма по надежному ледовому покрытию Керченского пролива, походы осуществлялись и в весенне-летний период, пусть и не столь «охотно». Очевидно так же, что для этого необходимо было комбинировать действия сухопутных сил (конницы, пехоты) и флота. Наличие развитой мореходной традиции у причерноморских черкесов, начиная с античности, делало такие походы пусть и гораздо более сложными в организационном плане, но технически вполне возможными¹².

Объективные интересы Иналидов, продолжателей политики своего предка по созданию самостоятельной государственно-политической и династической традиции, сталкивали их с осколками Золотой Орды, которые пытались в той или иной степени поддерживать претензии на имперский статус. Хотя бы по той причине, что почти везде (за исключением Ногайской Орды) у власти оказались представители «Золотого рода», то есть Чингизиды. Однако острые противоречия между политическими наследниками Золотой Орды позволяли черкесским политиям играть самостоятельную роль в региональной политике. Примерно в это же время, на рубеже XV–XVI вв., по фрагментарным данным русских письменных источников черкесы приняли активное участие в разгроме Большой Орды, которая под военным давлением с их стороны была вынуждена оставить свои кочевья в степном Предкавказье и искать спасения на правом берегу Дона. Так в июле 1498 г. русский посол в Крыму Б. Челищев сообщал: «Приходили Черкасы на Большую Орду, да побиили... татар Большой Орды добре много. И царю ... Маахмату (большеордынскому хану Сейид-Мухаммеду – К.З.) под Черкасы прожити не мочно, он мыслит пойти на сю (т.е. правую – К.З.) сторону Дону»¹³. Такая ситуация сохранялась вплоть до окончательного разгрома Большой Орды в 1502 г.¹⁴

После прочного включения Крымского ханства в государственную систему Османской империи в 1475 г., его военно-политические позиции в Северном Причерноморье неизмеримо возросли. Южный берег Крыма с бывшим центром генуэзских колоний в регионе – Кафой, Таманский полуостров вошли в новый вилайет Османской империи. Наместники Каффы активно включились в борьбу с черкесскими политиями Западного Кавказа, но очень долго эта борьба велась

с переменным успехом. Так в 1501 г., по свидетельству русского посла в Крым Ф. Ромодановского, османский наместник Каффы Мухаммед предпринял поход на черкесов, но потерпел сокрушительное поражение¹⁵. Преодолевая активное сопротивление местного населения, Османская империя продолжала укреплять свои позиции на черкесском побережье и это косвенным образом укрепляло безопасность Крымского полуострова от черкесских набегов. С 1502 г. в качестве портового города с османской администрацией и пункта сбора торговых пошлин начинает функционировать крепость Тамань¹⁶. В 1515 г. османские власти заложили на границе Черкесии две крепости – Темрюк в устье Кубани и Кизил-Таш на острове Адахун, ограниченном Кубанью, р. Адагум и морским побережьем. По свидетельству письменных источников, основным назначением этих укреплений была защита от черкесских набегов не только османских подданных Таманского полуострова, но и территории Крымского полуострова. По видимому, возможность дальних зимних походов черкесов по льду Керченского пролива вглубь Крымского полуострова и через сорок лет после завоевания Крыма и Тамани рассматривалась османскими властями как вполне актуальная угроза. Новые крепости должны были исключить беспрепятственную переправу черкесской конницы на Тамань и далее в Крым. Возведение новых крепостей под прикрытием многочисленных крымско-татарских контингентов продолжалось до августа 1519 г. Так, весной 1519 г. для прикрытия фортификационных работ к устью Кубани был направлено 8 тыс. крымское войско под командованием царевичей Казы-Гирея и Бабея¹⁷.

Оборонительные мероприятия сочетались с широкомасштабными наступательными действиями османско-крымских сил. Летом 1518 г. сын крымского хана Мухаммед-Гирея (1515–1523) Бахадыр-Гирей совершил поход на черкесские земли, но, по свидетельству русского посла в Крыму И. Челищева, потерпел поражение, стоившее ему двух третей армии. Состояние крымско-черкесских отношений в первые десятилетия XVI в., лучше всего можно охарактеризовать словами этого крымского царевича, который в своей дипломатической переписке с Великим князем Московским Василием III (1505–1533) писал: «Ежегодная у нас война Черкасы»¹⁸. Эти слова, конечно же, не стоит понимать как свидетельство тотальной войны между татарами и черкесами. Еще совсем недавно татары и значительная часть черкесов сосуществовали в единой империи – Золотой Орде. На протяжении многих поколений их связывали общие государственно-политические и служебные интересы, родственные связи и культурные предпочтения. Однако в период развала общего имперского пространства и борьбы различных региональных элит за свое место в радикально меняющемся геополитическом пространстве, черкесские Иналиды, как лидеры новой, динамично развивающейся государственно-политической традиции феодальной Черкесии, не могли не сталкиваться с крымскими Гиреями и другими линиями Чингизидов, которые претендовали на имперский статус, не всегда обладая реальными ресурсами даже для полноценной независимости. Черкесские Иналиды, опираясь на военно-политический потенциал своих северокавказских владений, зачастую имели возможность не только отвергать властные притязания крымских или астраханских Чингизидов, но и реально влиять на внутривнутриполитические процессы своих татарских соседей. Так, летом 1532 г. черкесские войска взяли Астрахань убили хана Касима, многих знатных татарских мурз и возвели на астраханский престол царевича Ак-Кубека, который был зятем одного из кабардинских князей¹⁹. Черкесское влияние в Астрахани имело реальный характер и гораздо позднее. В 1546 г. черкесы вновь захватили Астрахань, прогнали Ак-Кубека и посадили на ханский престол другого своего ставленника – Ямгурчи, который не смог долго удерживаться у власти²⁰. При помощи своих черкесских сторонников Ямгурчи примерно в 1550 г. еще раз занял Астрахань, но вскоре вновь был свергнут с престола конкурентами и бежал в Кабарду²¹.

Татарские письменные источники даже упоминают о гибели Мухаммед-Гирея – одного из самых удачливых крымских ханов, организатора успешных

походов на Москву и Астрахань, в войне «с черкесами и дадианами»²². Этот источник – «История Кипчакской степи» Ибн-Ризвана, далеко не безупречен. На самом деле Мухаммед-Гирей был убит своими союзниками ногайцами у стен взятой им Астрахани. Это привело к политическому кризису в Крыму и разорению ногайцами приазовских владений ханства²³. Но сам факт упоминания в татарской историографии «войны с черкесами» в связи с гибелью одного из самых знаменитых крымских ханов весьма показателен. Версия Ибн-Ризвана из «Истории Кипчакской степи» о гибели Мухаммед-Гирея позволила нам в одной из своих работ предположить, что это отражение в исторической памяти татар вторжения черкесов в Крым в ходе Бахчисарайского похода: «События, запечатленные в песне и предании, могли произойти только в период политической смуты, наступившей после смерти Мухаммед-Гирея, иначе они бы нашли отражение в русских дипломатических источниках. Мухаммед-Гирей погиб весной 1523 г., следовательно, Бахчисарайский поход с большой долей вероятности можно датировать второй половиной 1523 г.»²⁴.

В настоящее время это предположение нам представляется необоснованным, хотя хронологически двадцатые годы XVI в. можно уверенно включить в период жизни и деятельности Талостана Джанхотова и его современников. Есть одно обстоятельство, которое надежно задает возможную нижнюю хронологическую точку Бахчисарайского похода – это дата основания Бахчисарая в качестве столицы ханства и резиденции крымских Гиреев. После гибели Мухаммед-Гирея новым крымским ханом стал Саадет-Гирей, назначенный османским султаном Сулейманом I (1520–1566)²⁵. Его правление было относительно недолгим, так как Саадет-Гирею не удалось нейтрализовать губительные последствия смерти Мухаммед-Гирея и последовавших за этим смут внутри ханства. Уже в 1532 г. он добровольно отказался от ханского престола и был отозван в Стамбул. Без санкции османского султана крымский престол занял его племянник Ислам-Гирей. Правление последнего продолжалось пять месяцев, пока из Стамбула не прибыл его дядя Сахиб-Гирей (1532–1551), который в 1521–1523 гг. – в период максимальных внешнеполитических успехов Мухаммед-Гирея, успел побывать ханом в Казани. Прибывшие с ним янычары и артиллерия позволили Сахиб-Гирею временно одержать победу над внутренними противниками и утвердиться на ханском престоле²⁶. Именно Сахиб-Гирей в 1532 г. перенес ханскую резиденцию из селения Саларчик на 2 км ниже по течению реки Чурюк-Су. Эта новая столица и получила знаменитое в будущем название Бахчисарай («Сад-дворец»)²⁷. Привязка крымского похода Талостана Джанхотова к названию новой ханской резиденции, на наш взгляд, принципиальна. Название новой крымской столицы не только отражено в названии историко-героической песни, но и прямо упоминается в прозаическом предании, и, что особенно важно, в поэтическом тексте:

«Бэъшысэрейри а махуэм къуэпиблт

Бахчисарай в тот день о семи углах был, (т.е. большой, широко раскинувшийся – К.З.)»²⁸.

Верхняя хронологическая точка, ограничивающая возможную датировку Бахчисарайского похода связана с другим знаковым событием военно-политической истории Кабарды. Это масштабная феодальная война с участием практически всех черкесских владений, закончившаяся Кызбурунским сражением, в котором по преданию и погиб Талостан Джанхотов²⁹. В нескольких статьях мы уже рассматривали политическое содержание, общий ход и последствия этой войны³⁰. В самых общих чертах, политическая коллизия состояла в конфликте между Идаром Иармасовым, представителем старшей линии кабардинских Иналидов, после смерти отца воспитывавшимся в Западной Черкесии, и Джанхотовыми – фактически правившими в Кабарде. И те и другие имели своих сторонников среди Иналидов как в Кабарде, так и в других княжествах феодальной Черкесии. Конфликт, завершившийся

масштабным сражением и поражением Джанхотовых, можно датировать только приблизительно, примерно одним десятилетием между 1530 и 1540 гг.³¹

Еще более предметно сузить хронологические рамки возможной датировки Бахчисарайского похода позволяет, как это ни странно звучит на первый взгляд, способ переправы черкесской конницы с Тамани в Крым. И предания, и поэтический текст свидетельствуют, что это был не традиционный, описанный Дж.Интериано зимний поход по льду замерзшего Керченского пролива, а переправа с использованием флота:

«И пщІэгъуэлэшхуэри кхъухьышхуэ пхашІэкІэ нытхузэрашэри»

Его (т.е. предводителя Талостана Джанхотова – К.З.) белого коня большого на днище корабля большого возят»³².

Необходимо отметить, что общий военный потенциал Крымского ханства многократно превосходил военный потенциал Кабарды. Например, крымские войска, вторгшиеся в черкесские земли в 1539 г., наряду с артиллерией и отрядом янычар насчитывали 40 тыс. татарских всадников³³. Различные уделы Кабарды, по источникам середины XVII в., могли выставить около 7–8 тыс. всадников, треть которых была профессиональными военными – уорками³⁴. Эти данные, на наш взгляд, вполне репрезентативны и для более раннего периода. С такими силами даже зимнее вторжение в Крым, с гарантированной возможностью отступления по льду Керченского пролива, было предприятием крайне опасным с минимальными шансами на успех в столкновении со всей полевой крымской армией. Что же касается морской переправы через пролив между Таманью и Крымом, то в стратегическом плане это было просто самоубийственным решением. В случае малейшей неудачи, отрезанные от материка на полуострове, надежно блокированном со стороны суши укреплениями Перекопа, черкесы оказались бы обречены на истребление. Кроме того, переправа на кораблях 7–8 тыс. всадников даже через относительно узкий Керченский пролив (в настоящее время от 4,5 до 15 км) была за пределами логистических возможностей феодальной по духу военной культуры Черкесии. Она требовала совершенно другого уровня военной организации. Если усреднить дальность переправы до 10 км, с учетом обратного пути, времени на погрузку и разгрузку, относительно низкой скорости и грузоподъемности традиционного для черкесов гребного флота, опасностей ночного плавания и т.д. такая переправа, даже при наличии большого числа гребных судов у таманских и других причерноморских черкесов, растянулась бы на недели, создавая прямую угрозу всему войску, лишенному мобильности и разделенному морским проливом. Должны были сложиться исключительные условия, чтобы предводитель конного войска решился на подобную морскую переправу. И такие условия сложились именно в первые годы правления Сахиб-Гирея.

Фактически с первых же дней своего правления Сахиб-Гирей столкнулся со скрытым противодействием своего племянника Ислам-Гирея, который был назначен калгой (вторым после хана сановником в Крыму) и получил в свое непосредственное управление Перекоп и Очаков. Недовольный своим смещением с ханского престола Ислам-Гирей уже летом 1534 г. открыто выступил против действующего хана и попытался выбить его из столицы. Потерпев поражение, он отступил в Перекоп и, тем не менее, провозгласил себя ханом³⁵. Судя по тому, что ему удалось удерживаться там до лета 1537 г. у него была серьезная поддержка среди крымской и ногайской знати³⁶. Новый калга, назначенный Сахиб-Гиреем, Ахмед-Гирей (1535–1537) – племянник хана и сын Саадет-Гирея I (1524–1532), также вызвал подозрения в измене и был убит в 1537 г., а должность калги перешла к старшему сыну хана Эмин-Гирею³⁷. Только после этого, летом 1537 г. Сахиб-Гирею удалось нейтрализовать своего взбунтовавшегося племянника и выбить его из Перекопа. В августе 1537 г. Ислам-Гирей, скрывавшийся в ногайских улусах, был выслежен и убит³⁸. Именно в эти годы фактического междуцарствия и крайнего ослабления стабильности политической системы Крымского ханства могло произойти такое событие как Бахчисарайский

поход. Несколько лет Крымское ханство не имело легитимного правительства, крымская знать перебежала из одного лагеря в другой, происходила открытая вооруженная борьба за ханский престол между сторонниками Сахиб-Гирея и Ислам-Гирея, а османские власти предпочитали не вмешиваться в нее. Очевидно, после того, как эта ситуация перестала быть свежей новостью для соседей, такой амбициозный военный лидер как Талостан Джанхотов, войдя в соглашение с таманскими и другими прибрежными черкесами, а может быть и с врагами Сахиб-Гирея в Крыму, организовал неожиданный для противника весенне-летний поход с морской переправой через Керченский пролив относительно немногочисленной (до 2–3 тыс. всадников), но хорошо подготовленной уюркской кавалерии. Таких сил было вполне достаточно для быстрого наступления на Бахчисарай и военного грабежа резиденции непопулярного хана, а морская переправа войск в Крым и обратно на Тамань становилась посильной логистической задачей. Риск был оправданным. Военные силы Сахиб-Гирея без поддержки крымской и ногайской знати не могли быть значительны. Все северные ногайские улусы Крымского ханства надежно контролировал Ислам-Гирей, сидевший в Перекопе. Мы ничего не знаем о контактах Талостана Джанхотова с противниками Сахиб-Гирея, кровно заинтересованными в смерти или политическом унижении непопулярного хана. Но принимая во внимание тесные династические и политические связи крымской и черкесской элиты, нельзя исключить их полностью. Тогда становится понятен и объясним стратегический расчет Талостана Джанхотова. Иначе вторжение в самый центр крымских владений могло обернуться военной катастрофой. Османские силы в Крыму были относительно невелики. В начале XVI в. османский наместник Каффы располагал всего 500 всадников, из которых 200 были наемными черкесами³⁹. Отсутствие в Крыму общепризнанного хана нейтрализовывало возможное участие даже этих скромных сил в отражении черкесского вторжения. Очевидно, так и произошло – османы предпочли ограничиться пассивной обороной собственных владений в Крыму. Если бы Сахиб-Гирей мог собрать хотя бы четверть обычной крымской полевой армии (т.е. около 10 тыс. всадников), у Талостана Джанхотова и его войск могли возникнуть серьезные затруднения. Но предводитель черкесского войска правильно рассчитал, что даже в этом случае, потерпев неудачу в Крыму, он сможет организованно отступить, так как Сахиб-Гирей, фактически изолированный в своей столице, не отважится на активное преследование, оставляя у себя в тылу мятежного Ислам-Гирея. Момент был выбран очень удачно, и мы можем оценить стратегический талант Талостана Джанхотова, который сумел трезво оценить ситуацию и использовать ее для дерзкой, но хладнокровно подготовленной, организованной и проведенной демонстрации военных возможностей Кабарды. Тем не менее, Бахчисарайский поход был связан с большими рисками, его удачный исход был далеко не очевиден для его участников, о чем мы можем судить по некоторым косвенным намекам, содержащимся в поэтическом тексте:

«...И сэмыркъом шу хутыкъуахэри дишыжырт.

Его (т.е. Талостана Джанхотова – К.З.) шутики всадников, духом павших, поднимали»⁴⁰.

Самым сложным в подготовке и организации Бахчисарайского похода, безусловно, была морская переправа через Керченский пролив. Наличие целого гробного флота у таманских и других прибрежных черкесских этносоциальных групп в первой половине XVI в. не подлежит сомнению. Но с ними нужно было договориться, мобилизовать ресурсы и оперативно использовать их. Примечательно, что устные предания и поэтический текст просто упоминают о факте морской переправы, как будто это обыденное событие в ряду других во время похода. При этом подробно описываются консультации Талостана Джанхотова со старейшинами, изобретение и изготовление сотни повозок, запряженных лошадьми для перевозки предполагавшейся добычи – тонких тканей, которыми был богат Крым⁴¹. Собственно сам поход по фольклорной версии был организован для добычи в Крыму тонких тканей

после жалобы кабардинских женщин на традиционные грубые сукна, которые они вынуждены изготавливать и в которые вынуждены одеваться⁴². Конская упряжка не использовалась черкесами и в целом народами Кавказа вплоть до второй половины XIX в. и появления в регионе удобных шоссейных дорог, в первую очередь из-за особенностей горного ландшафта. Однако само это техническое «новшество» было известно на Кавказе как минимум с эпохи бронзы. В устном предании о Бахчисарайском походе, на наш взгляд, мы имеем весьма любопытный образчик аберрации фольклорного сознания и исторической памяти, когда по-настоящему сложная логистическая проблема организации морской переправы большого конного войска подменена курьезной проблемой обеспечения быстрой перевозки добычи, которую еще надо было взять с бою. Сохранилась лишь своеобразная «транспортная» семантика фольклорного текста в части, касающейся подготовки и организации Бахчисарайского похода.

Таким образом, учитывая исторический контекст, опасности осенне-зимней навигации на Черном море, мы можем с большой долей вероятности датировать Бахчисарайский поход весной-летом 1535 или 1536 гг., когда Сахиб-Гирей находился в крайне стесненных обстоятельствах. Уникальность внутривосточной ситуации в Крыму на протяжении 1535/1536 гг., и то, что она могла радикально измениться в любой момент, также объясняют такой нетрадиционный способ организации Бахчисарайского похода как морская переправа. Возможно, Талостан Джанхотов решил использовать ситуацию и принять организационные риски, связанные с использованием флота в качестве транспортного средства, а не ожидать восемь-десять месяцев установления надежной ледовой переправы с Тамани в Крым в условиях, когда ситуация междоусобицы в Крыму могла неожиданно закончиться победой одного из претендентов. Уже в период консолидации Сахиб-Гиреем властных полномочий и военных сил накануне победы над Ислам-Гиреем в 1537 г. даже теоретически массовое вторжение черкесской конницы в Крым с использованием морской переправы через Керченский пролив стало невозможно. А с весны-лета 1539 г. начинается череда крупномасштабных походов в Черкесию самого Сахиб-Гирея, причем официальным поводом для первого из них послужило нападение черкесских отрядов на османские крепости Таманского полуострова⁴³. Сахиб-Гирей во главе крупных соединений (до 40 тыс.) татарской конницы, подкрепленных отрядами янычар и артиллерией вторгся в Черкесию еще несколько раз – весной и осенью 1545 г., в 1546 г. и последний раз – перед его отставкой и убийством – в 1551 г.⁴⁴ Возможно одной из причин того упорства, с которым Сахиб-Гирей добивался покорности от черкесских княжеств, являлась психологическая травма, полученная им в осажденной столице. Черкесы во главе с Талостаном Джанхотовым сражались с крымцами в предместьях ханской резиденции. Поэтический текст песни о Бахчисарайском походе содержит явные намеки на военный грабеж, даже мародерство, и оскорбление татарских святынь:

«И пщІгъуэлэшхуэри кхъухышхуэ пхашІэкІэ кыгтхуэрашэри,
И хъэрзынашэм кьуэбыдэ шытхри неубэри.
...Бэхышысэрэй гушэри кьуэпиблти,
Мы гьушІ пщэхъуиблыр хъаньжъ гьумым пщІэхэвдзэ.
Хъаньжъмэ ипхъутэкъэ Кустэхъан дахэри,
Щауэ хэплгыхыти дышэ тахъгэм и щхъэм шогъуэ.
ПщІгъуэлэжъыдзэри хы тьуашІэми ныдошэсыкІри.
– Зы сэбэп кыхэмыкынуми, мэжджыт хужьыжъм
сафІеклуэлІэнш! – жиІаш Андемьркъан.

Его белого коня большого на днище корабля большого возят,
Его добро (т.е. добычу – К.З.) везущие непроходимого устья
края утаптывают.

...Бахчисарай о семи углах был,
Эти семь [железных] ошейников недоброму хану
толстому на шею накиньте!

Недоброе хана дочь Кустахан-красавица,
В женихах разборчивая, на золотой тахте рыдает.
На белых конях могучее войско из Междуморья⁴⁵ выступает.
– Пусть пользы не будет, но к белой мечети
большой пробьюсь! – сказал Андемиркан»⁴⁶.

Черкесские исторические предания сохранили память об этом событии, не нашедшем отражения в официальных крымских хрониках. Возможно, дальнейшие исследования с привлечением османских архивов позволят внести корректировку в предложенную нами датировку и интерпретацию Бахчисарайского похода.

Примечания

1. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней в 2-х томах. М., 1967. Т. 1; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.
2. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1994.
3. *Кожев З.А.* Политическая история Черкесии (с нач. XV в. до 1763 г.) // Адыгская, (черкесская) энциклопедия. М., 2006. С. 175.
4. Адыгэ ІуэрыІуатэхэр (Адыгский фольклор). В 2-х томах. Нальчик, Т. 2. С. 164–168.
5. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. М. Т. 3. Ч. 1. С. 51–54.
6. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. / Документы и материалы в 2-х томах. В дальнейшем – КРО. М., 1957. Т. 1. С. 383–386
7. *КъэрдэнгъуцІ З.* Тхыгъэ кыхъэхэхэр. Налшык, 2009. С. 273–280.
8. КРО. Т. 1. С. 5, 9–10, 383–385.
9. Народные песни и инструментальные наигрыши ... С. 54.
10. Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. В дальнейшем – АБКИЕА. Нальчик, 1974. С. 50.
11. *Кожев З.А.* Крымские мотивы в черкесских генеалогических преданиях и их исторические основания // Вестник КБИГИ. 2017. № 4 (35). С. 7–13.
12. *Мирзоев А.С.* Традиции мореходства и пиратства у народов Северо-Западного Кавказа с античных времен по Новое время // Всеобщая история. 2014. № 4. С. 3–10.
13. Сборник Русского Исторического Общества. Т. 41. С. 255.
14. Там же. С. 358, 418.
15. Там же. С. 357.
16. Там же. С. 408.
17. Там же. Т. 95. С. 667–668; *Эвлия Челеби.* Книга путешествия в земли Северного Кавказа, Поволжья, Подонья. М., 1979. Вып. 2. С. 46, 49.
18. Сборник Русского Исторического Общества. Т. 95. С. 516–517, 607.
19. Полное собрание русских летописей // ПСРЛ. СПб., Т. 11. С. 279; Т. 13. С. 60–61; Т. 20. С. 413, 441.
20. *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М., 1990. С. 109.
21. Там же.
22. Там же. С. 93.
23. *Карамзин М.Н.* История государства Российского. М., 1988. Т. 7. С. 77–78.
24. *Кожев З.А.* Политическая история Черкесии (с нач. XV в. до 1763 г.) // Адыгская, (черкесская) энциклопедия. М., 2006. С. 175.
25. *Некрасов А.М.* Международные отношения... С. 86, 94.
26. Там же. С. 100; *Гайворонский О.* Повелители двух материков. Киев–Бахчисарай, 2007. Т. 1. С. 187–188.
27. *Гайворонский О.* Повелители двух материков... С. 187–189.
28. Народные песни и инструментальные наигрыши... С. 53–54; *КъэрдэнгъуцІ З.* Тхыгъэ кыхъэхэхэр... С. 273.
29. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 104–105; *Кожев З.А.* Происхождение Кемиргоко Идарова // Известия КБНЦ РАН. № 4 (42). Нальчик, 2011. С. 177–182.
30. *Кожев З.А.* Происхождение Кемиргоко Идарова... С. 177–182; *Кожев З.А.* Происхождение и историческая судьба Кемиргоко Идарова // Проблемы сохранения черкесского

фольклора, культуры и языка. Материалы Международной научно-практической конференции памяти М.И. Мизаева. 2015. С. 140–153.

31. *Кожев З.А.* Происхождение Кемиргого Идарова... С. 180.

32. Народные песни и инструментальные наигрыши... С. 53–54; *КъэрдэнгъуцI З. Тхыгъэ кыхэхэхэр...* С. 273.

33. *Некрасов А.М.* Международные отношения... С. 104.

34. Детальные оценки военных сил основных уделов Кабарды (кроме Джиляхстаня) в середине XVII в., составляют 2055 дворян-уорков и примерно в два раза больше простой конницы – «черных людей». Если предположить, что военные силы Джиляхстаня, самого слабого кабардинского удела, были равны потенциалу Идарея, можно добавить к этому числу еще 350 уорков и 700 человек простой конницы. В итоге мы получим примерно 7200 человек. Учитывая, что на момент Бахчисарайского похода от Кабарды еще не отделился Бесленей, итоговая цифра может быть увеличена еще примерно на тысячу всадников (см. КРО. Т. 1. С. 384–387).

35. *Гайворонский О.* Повелители двух материков... С. 194–196.

36. Там же. С. 194–198.

37. Там же. С. 196–198.

38. Там же. С. 198–199.

39. Сборник Русского Исторического Общества. Т. 41. С. 357.

40. Народные песни и инструментальные наигрыши... С. 53–54.

41. *КъэрдэнгъуцI З. Тхыгъэ кыхэхэхэр...* С. 270–273.

42. Там же.

43. *Некрасов А.М.* Международные отношения... С. 104.

44. Там же. С. 104, 109–111.

45. Междуморье (Хы тIгуащIэ) – метонимическое обозначение Кабарды.

46. Народные песни и инструментальные наигрыши... С. 54.

THE BAKHCHISARAI CAMPAIGN (БАХЪШЫСЭРЕЙ ЗЕКIУЭ): THE PROBLEM OF DATING

Kozhev Zaurbek Andzorovich, Candidate of History, Head of the Medieval and Modern History Department of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the RAS» (IHR KBSC RAS), zaurbek_k@mail.ru

The article is devoted to one of the most significant events in the military-political history of Kabarda – a successful campaign against the Crimean Khanate, which, according to historical legends, ended with the siege of the capital of the Khanate – Bakhchisarai and receiving a rich ransom from the Crimean Khan. The Crimean Khanate, from the moment of its formation, and especially after the inclusion of the Ottoman Empire in the political system, was the most powerful, aggressive and dangerous neighbor of the Circassian polities of the North Caucasus. For several centuries, Circassian state-political entities waged a stubborn struggle for de facto independence against the imperial gripes of the Crimean Girey, heirs of the Golden Horde imperial power. The early stage of the Crimean-Circassian relations (second half. XV-first half of the XVI centuries) – before the involvement of the North Caucasus in the orbit of the foreign policy interests of the Russian state, is poorly studied due to the extreme scarcity of written sources. Therefore, Circassian legends, historical and heroic songs of the early cycle are of particular value as an important historical source. One of them is the “Song about the Bakhchisarai campaign” (“Бахъшысэрей зекIуэм и уэрэд”) and the accompanying folklore texts, which reflect a very important episode of the Kabardino-Crimean relations. The historical legend has kept the curious details of the organization of the campaign, the names of the military leader and famous participants (Talostan Dzhanhotov, Andemirkan, brothers Echanokovs etc.). The problem of dating this event is quite satisfactorily solved by comparing the historical legend about the Bakhchisarai campaign with other folklore materials, written sources and pedigree lists of Kabardian princely houses.

Keywords: Kabarda, Crimean Khanate, Bakhchisarai, Kabardino-Crimean relations, Talostan Dzhanhotov, Andemirkan, military-political history, dating.

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-4-39-45-54